

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ тридцать первый.

ВЫХОДЯТЬ
№ 28-го Февраля 1893 года.
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе
годы и за настоящій 1893 годъ по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редаціи Литов-
скихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 9.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто
строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

за два раза 15 „

за три раза 20 „

Содержаніе № 9.

Дѣйствія правительства. Открытіе женскаго монастыря въ м. Антолентахъ. Мѣстные распоряженія. (Къ свѣдѣнію и руководству). Назначенія и перемѣненія. Утвержденіе въ должн. церк. старость. Мѣстные извѣстія. Пожертвованія. **Неофициальный отдѣлъ.** Краткія свѣд. о бывш. братскомъ приютѣ. Списокъ воспитанниковъ Виленскаго Св.-Духовскаго братства. Нѣчто недоумѣнное. Виленскій архіерейскій хоръ при митр. Іосифѣ. Переписка литовскаго князя Льва Сапѣги. Практическія занятія воспитанницъ Виленскаго жен. учил. дух. вѣд. въ образцовой школѣ.

Дѣйствія Правительства.

Открытіе женскаго монастыря въ м. Антолентахъ. Указомъ Святаго Синода отъ 15 февраля сего года за № 687 дано знать Литовскому епархіальному началству: 1) о разрѣшеніи на учрежденіе въ м. Антолентахъ, Новоалександровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, Литовской епархіи, женскаго общежительнаго монастыря, съ наименованіемъ оного Рождество-Богородичнымъ Антолепскимъ монастыремъ, съ училищемъ при немъ для дѣвицъ и съ такимъ числомъ монашествующихъ, какое по своимъ средствамъ обитель можетъ содержать; 2) о назначеніи казначеи Вяземскаго Аркадіева женскаго монастыря, Смоленской епархіи, монахини Алексіи Настоятельницею Антолепскаго Рождество-Богородичнаго монастыря, и 3) о Высочайше утвержденномъ въ 11 день декабря 1892 года положеніи комитета министровъ относительно предоставленія духовному вѣдомству на содержаніе сего монастыря казенныхъ оброчныхъ статей.

Мѣстные Распоряженія.

(Къ свѣдѣнію и руководству).

Литовская духовная Консисторія, прешрождавъ отъ 22 февраля въ Казенныя Палаты, для зависящихъ распоряженій о разъассигнованіи по казначействамъ списки псаломщиковъ, имѣющихъ получить обычное дополнительное къ полученному ими по прежнему штату жалованье (до полного установленнаго штатами 27 декабря 1875 г.) из-

вѣщать о семь причты, съ присовокупленіемъ 1) что псаломщикамъ, перемѣненнымъ въ концѣ 1892 года дополнительное жалованье назначено по прежнимъ мѣстамъ ихъ службы, 2) что получить назначенныя деньги изъ мѣстныхъ казначействъ псаломщики могутъ при полученіи жалованья за мартъ и не поздиѣ 30 марта, послѣ чего кредитъ за минувшій годъ будетъ закрытъ.

Перемѣны служащихъ по церковно-школьному дѣлу въ Гродненской губерніи: а) вмѣсто протоіерея Григорія Пылькевича, уволеннаго, согласно прошенію, отъ должности предсѣдателя Вѣльскаго уѣзднаго отдѣленія совѣта, на сіе мѣсто опредѣленъ 3-го сего февраля настоятель Вѣльской Рождественской Богородичной церкви священникъ Александръ Булыгинъ. б) Предсѣдателемъ Слонимскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, вмѣсто уволеннаго, по прошенію, протоіерея Слонимской соборной Преображенской церкви Мартина Касперовича, назначенъ 15-го октября 1892 года Слонимской Троицкой церкви священникъ Іоаннъ Павловичъ. в) Наблюдателемъ церковныхъ школъ перваго благочинническаго округа Гродненскаго благочинія опредѣленъ 3-го сего февраля священникъ Верцелишской церкви Левъ Теодоровичъ, вмѣсто священника Іоанна Буриловича, уволеннаго отъ сей должности, по причинѣ перемѣненія его въ с. Дану, находящуюся въ другомъ благочинническомъ округѣ.

16 февраля членами ревизіоннаго комитета по повѣркѣ суммъ и отчетовъ духовно-учебнаго вѣдомства, а также суммъ свѣчной и вѣнчиковой и пр. на текущій 1893 годъ назначены: священникъ Виленскаго Пречистенскаго собора Григорій Бывалькевичъ, священникъ Воспитательнаго дома Александръ Звѣревъ и преподаватель Литовской семинаріи Константинъ Ивановскій.

20 февраля уволенъ отъ должности церковнаго старосты Новоалександровской церкви, согласно прошенію, мировой судья Александръ Смирновъ, а на его мѣсто утверждень на три года выбранный прихожанами судебный слѣдователь Александръ Игнатьевичъ Шутовъ.

24 февраля псаломщики церковей Слонимскаго уѣзда — Вязовецкой Осипъ Протасевичъ и Дятловской Павелъ Данилевичъ перемѣнены одинъ на мѣсто другого.

19 февраля утверждены въ должности церковныхъ старостъ на 3 года выбранные къ церквамъ: 1) Люш-

невской, Слонимскаго уѣзда, кр-нѣ дер. Замостье, Ома Викентьевъ Зенько; 2) Молчадской, того же уѣзда, кр-нѣ дер. Подлозяны Михайль Львовъ Говори; 3) Черленской, Гродненскаго уѣзда, кр-нѣ дер. Харцицы Иванъ Васильевъ Монкевичъ; 4) Ногородовичской, Слонимскаго уѣзда, кр-нѣ дер. Резгалъ Иванъ Ильинъ Буховскій; 5) Милейчицкой, Брестскаго уѣзда, мѣщанинъ м. Милейчиць Флоръ Ивановъ Пободзинскій—на 4-е трехлѣтіе; 6) Омеленецкой, того же уѣзда, кр-нѣ с. Омеленда Димитрій Исидоровъ Шуть; 7) Славатычской, Волковыскаго уѣзда, кр-нѣ дер. Павловичъ Николай Яковлевъ Якимена; 8) Радваничской, Брестскаго уѣзда, кр-нѣ с. Радваничъ Симеонъ Стефановъ Калишекъ—на 4-е трехлѣтіе.

Мѣстные извѣстія.

— 14 февраля рукоположенъ во священника къ Григоровичской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Іоаннъ Качановскій*.

— **Пожертванія.** Прихожане Шкудской церкви, Тельшевскаго уѣзда, въ память событія 29 апрѣля 1891 года, на добровольныя пожертванія приобрѣли для Шкудской церкви металлическія хоругви, стоимостью сто десять рублей, съ изображеніями на нихъ св. мучениковъ, празднуемыхъ 29 апрѣля, св. Николая Чудотворца, Нерукотвореннаго образа Спаса и св. Сергія Радонезскаго и съ соотвѣтственною надписью.

— Въ истекшемъ 1892 году, приходское попечительство и братство *Черевачицкой* церкви учинили покраску масляными красками своей приходской Пятницкой церкви на 270 руб. сер., а попечительство и прихожане *Збировской* церкви произвели необходимый ремонтъ мѣстныхъ— приходской Троицкой и првншней Параскевievской церквей на 460 руб. 50 коп.

— Въ 1892 году въ *Кронскую* церковь пожертвованы отъ лица пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ запрестольный бронзово-позлащенный крестъ, стоимостью 100 руб., служащимъ въ С.-Петербургѣ запаснымъ рядовымъ Тимошеемъ Адамовичемъ пожертвована икона Казанской Божіей Матери, писанная на кипарисной доскѣ, въ кіотѣ подъ стекломъ и къ оной лампадка аплике.

— Священникъ братской Покровской церкви въ С.-Петербургѣ о. Сергій Слѣпнянъ пожертвовалъ для миссіонерства дорогую икону св. *Іоанна Златоуста*, съ присылкою 3-хъ рублей на приобретение для ней кіота и съ разноцвѣтною бархатною завѣсою, а для пріюта пожертвовалъ двѣ фуфайки, три бумажебныя юбочки и три рубашечки (холщевыя) для дѣвочекъ.

— **Ученики, товарищи и почитатели незабвеннаго профессора Михаила Осиповича Нояловича предположили соорудить на его могилѣ (на Александровскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ) памятникъ.** Составленная съ этою цѣлію коммиссія имѣетъ честь просить оказать содѣйствіе въ началомъ дѣлѣ своимъ посильнымъ пожертвованіемъ. Сборъ пожертвованій сосредоточенъ въ конторѣ „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ (Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 28-30). О пожертвованіяхъ коммиссія извѣститъ своевременно чрезъ посредство „Церковнаго Вѣстника“.

О содержаніи этой записки коммиссіи симъ извѣщаются почитатели покойнаго профессора, въ несомнѣнной надеждѣ, что это обращеніе объ увѣковѣченіи памяти незабвеннаго профессора найдетъ сочувственный откликъ въ сердцахъ учениковъ и другихъ почитателей покойнаго профессора.

НОВАЯ КНИГА

Бесѣды объ основныхъ истинахъ Святой Православной Вѣры

Доктора Богословія, Сергія, Архіепископа Владимірскаго. Москва 1893 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бесѣды эти отличаются выдающимися особенностями и, по изложенію, приспособлены къ собесѣдованіямъ. При строгой и полной доказательности истинъ, о которыхъ идетъ рѣчь, бесѣды изложены живо, читаются легко и сообщаютъ массу знанія. Вотъ перечень бесѣдъ, вошедшихъ въ составъ книги. Три бесѣды—Богъ въ природѣ. Богъ въ душѣ человѣка. Богъ въ откровеніяхъ. Двѣ—о безсмертіи души. О необходимости Божественнаго откровенія и признакахъ Божествен. вѣры. Вѣтхозавѣтныя пророчества объ Иисусѣ Христѣ. О несомнѣнной истинности евангельской исторіи. О внутреннихъ свидѣльствахъ подлинности и несомнѣнности евангелій. О несомнѣнной истинности еванг. исторіи на основаніи посланій Св. Ап. Павла,—доказываемой чудесами апостоловъ и христіанъ первыхъ вѣковъ. О чудесахъ въ Христ. церк. въ 4 стол. и въ послѣдующее время, какъ доказательствахъ божественности Христіанск. вѣры. О превосходствѣ Хр. вѣры надъ языческою и предъ магометанскою. Объ истинной православной церкви. О главнѣйшихъ св. таинствахъ въ церкви. О православіи русской церкви. О русскомъ расколѣ. Объ армянской и римской церквахъ. О главенствѣ папы. Объ англиканской церкви. *Въ приложеніи.*—Сотвореніе мира. Время существованія рода человѣческаго. Богодуховенность св. Писанія. Тайна воплощенія Сына Божія для спасенія людей.

Сочиненія того же автора. *Полный мѣсяцесловъ Востока.* Т. I и II 1600 стр. съ перес. 7 руб.

Слова, сказанныя въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Ц. 1 руб.

Православное ученіе о почитаніи св. Иконъ, со статьею о св. крестѣ 30 к.

Иверская св. икона Богоматери. Ц. 60 к.

Съ требованіями обращаться: въ г. Владиміръ въ канцелярію Архіепископа.

Вышелъ изъ печати, въ Вильнѣ,

XIX томъ „АКТОВЪ“,

издаваемыхъ Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

Въ немъ помѣщены документы, касающіеся исторіи церковной жизни быв. Холмской епархіи временъ XV и XIV вѣковъ.

Обстоятельное предисловіе къ нимъ составлено В. М. Площанскимъ.

Цѣна экземпляру (стр. CLXXVI, 401) съ пересылкою 2 руб. Съ требованіями обращаться въ Вильну, въ канцелярію попечителя учебнаго округа.

Неофициальный отчетъ.

Краткія свѣдѣнія о бывшемъ братскомъ (Виленскаго Св.-Духовскаго братства) приютѣ и о призрѣтыхъ въ ономъ сиротахъ.

Одною изъ выдающихся сторонъ дѣятельности знаменитыхъ въ исторіи православной Вильны общественно-церковныхъ братствъ было содержаніе „шпиталей“, въ которыхъ призрѣвались не болѣные и немощные только, но также сироты и убогіе, для которыхъ воспитательная и покровительственная помощь братствъ была истиннымъ благомъ — укрѣпляя ихъ въ православной вѣрѣ и устрояя ихъ будущность. Современное намъ Виленское Св.-Духовское братство, возстановленное въ 1865 году, унаследовало задачи прежнихъ братствъ и хотя, подъ вліяніемъ времени своего возстановленія, оно какъ бы забыло о приютѣ, но крайней мѣрѣ не упомянуло о немъ въ своемъ уставѣ, гдѣ не менѣе жизнь своею могучею силою вызвала вопросъ только, но и самое осуществленіе и устройство приюта. И понятно, съ приливомъ русскихъ силъ въ Вильну, съ умноженіемъ въ оной православнаго населенія разныхъ званій и сословій, — съ непрекращающимся движеніемъ, хотя медленнымъ, но вѣрнымъ, точно по наклонной плоскости, латиняны и др. привѣрженцы вѣлоно православной церкви, съ нерѣдкимъ по знаменательнымъ явленіемъ, что сами родители и родственники римско-католики приводили своихъ дѣтей и опекаемыхъ съ проебкой присоединить ихъ къ православію, съ тѣмъ, чтобы братство призрѣло ихъ и дало имъ воспитаніе, случаи круглаго сиротства и безпомощности дѣтей — все это въ совокупности не могло пройти безслѣдно и дало жизнь братскому приюту. Эти факты вызвали даже особые пожертвованія исключительно на приютъ съ 1866 года. Не безъ колебаній возродилось это благое учрежденіе. Сначала думалось, что столовая для бѣдныхъ съ даровой раздачей пищи и обильно даваемые пособия на обученіе дѣтей въ школахъ разнаго типа, состоящихъ подъ покровительствомъ братства, нѣсколько восполняютъ отсутствіе приюта, но оказалось, что къ братскому котлу явились такія дѣти, которымъ настояла безотлагательная нужда посидѣть и погрѣться за теплой печкой братской столовой, которыхъ сверхъ сего нужно одѣть и кое чему выучить. Такимъ образомъ приютъ со школой самъ собою явился и 1-го мая 1869 г., въ день священномученика Макарія, была открыта торжественно братская школа при приютѣ изъ 12 человекъ, изъ сиротъ дворянъ и разночинцевъ — дѣтей по большей части отъ смѣшанныхъ браковъ. Желая дать какъ приютскимъ, такъ и живущимъ въ домѣ братства дѣтямъ сколько нибудь прочное обученіе, братство въ 1874 г. дало помѣщеніе въ своемъ домѣ приходскому двухклассному училищу М. Н. Просвѣщенія; помѣщеніе же приюта было расширено, прилично обставлено, столъ дѣтямъ былъ улучшенъ и число ихъ доведено до 18 человекъ; при этомъ даровая столовая для бѣдныхъ, въ слѣдствіе возникающихъ неудобствъ, была закрыта. — Всѣ дѣти находились въ приютѣ подъ надлежащимъ надзоромъ, строго воспитываемые въ духѣ православной вѣры, и для чего посѣщеніе Пречистенскаго храма въ праздники и свободные дни, а равно участіе въ мѣстномъ церковномъ хорѣ было обязательно.

Приютъ братства во многомъ превосходилъ др. городскіе приюты и составлялъ предметъ особенныхъ желаній и домогательствъ многихъ; изъ него дѣти не увольнялись какъ

изъ др. приютовъ по исполненіи 12 лѣтъ. возраста, когда дальнѣйшая жизнь и развитіе ихъ вступало на весьма опасный путь увлеченій и оплоаченія; по окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ, дѣти, смотря по способностямъ и лѣтамъ своимъ, направлялись въ др. учебныя заведенія, или же пристраивались на мѣста и поступали въ военную службу. Съ 1875 по 1887 годъ въ братскомъ приютѣ воспиталось до 49 человекъ, изъ которыхъ многіе не безъ пользы служили въ крѣпости, оправдывая на дѣлѣ возлагавшіяся на нихъ надежды и оказываемое имъ попеченіе. Стоимость приюта вращалась около 1800 р. годового расхода, а его существованіе поставилось въ иные годы скромной братской жизни и дѣятельности въ особую заслугу братства. Съ 1885 г. приютъ сталъ мишенью ударовъ, направленныхъ противъ него; это указывалось на его дороговизну, хотя онъ былъ дешевле всѣхъ подобныхъ учреждений въ Вильнѣ, то на воспитаніе въ ономъ будущихъ чиновниковъ, что будто нежелательно по направленію времени, хотя съ одной стороны, это неправда, а съ другой — нельзя было отрицать и того факта, что отчего бы сиротъ дворянина и чиновника — не быть такимъ же, то указывалось на то, что это не приютъ, гдѣ дѣти призрѣваются до 12 л. возраста своего рода конвкты, въ которомъ живутъ пока не окончатъ курсъ той или др. школы, хотя при этомъ забывалось, что братству, взявшему на свое попеченіе сироту, не слѣдуетъ выбрасывать его по 12 лѣтнему за бортъ приюта, не поставивъ его на ноги — всѣхъ жизненныхъ соблазновъ, наконецъ указывалось и на то, что общую сумму расхода на приютъ полезнѣе выдавать частями въ качествѣ стипендій, — хотя при этомъ опускалась изъ виду весьма важная сторона приюта — религиозно-воспитательная и то, что сироты и призрѣваемые становились новыми условіями жизни предметомъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ квартиръ. Эти соображенія и направленія противъ приюта, ж особенно выдвигались прот. В. Гомолицкимъ и вторившимъ ему членомъ братскаго совѣта П. Мл. Смысловымъ. Видя, что трудно поколебать прочно установленнаго учрежденія безъ болѣе всѣхъ данныхъ, оппоненты воспользовались подожженіемъ объ открытіи церковныхъ школъ въ 1887 году возбудили вопросъ объ учрежденіи въ Вильнѣ церковно-приходской учительской школы въ братскомъ домѣ и на средства братства, взаимнѣ приюта, который долженъ прекратить свое существованіе. Новизна вопроса и его привлекательная сторона сдѣлали свое дѣло. Приютъ на основаніи случайныхъ соображеній былъ закрытъ, къ общему недоумѣнію православныхъ Виленцевъ. Братство построило для учительской школы домъ X и открыло школу для сельскихъ и крестьянскихъ юношей, при чемъ расходы на школу возложило на училищный совѣтъ. Изъ 17 воспитанниковъ приюта одни стали получать пособіе на время нахожденія въ учебныхъ заведеніяхъ, а другіе выбыли и поступили на мѣста. Но и учительск. школа, — которую пионеры оной ставили себѣ въ особую заслугу, — закрылась, успѣвъ просуществовать 4 г. (1888—1892) и выпустить 33 человекъ съ званіемъ учителей церковно-приходскихъ школъ.

Такова въ краткихъ словахъ судьба приюта Виленскаго Свято-Духовскаго братства, сослужившаго добрую службу и оправдаваго къ себѣ довѣріе.

6-го августа 1892 г. общее собраніе братства высловило три предложенія своего высокопочтимаго предсѣдателя, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Доната, изъ коихъ, что имъ признано полезнымъ закрытіе братскаго христіанскаго приюта и взаимнѣ сего открытіе при братствѣ, на

основаніи указа Св. Синода, еврейскаго приюта, для готовящихся къ крещенію и крещенныхъ евреевъ, подъ руководствомъ миссіонера.

Списокъ сиротъ воспитанниковъ приюта Виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства за послѣднее десятилѣтіе.

1) Петръ Павловъ, сынъ вахтера, нынѣ чиновникъ почтово-телеграфнаго вѣдомства; 2) Николай Павловъ, сынъ вахтера, нынѣ поручикъ въ мѣстномъ резервномъ батальонѣ; 3) Александръ Гавриловъ, сынъ коллежскаго ассесора, нынѣ смотритель почтовой станціи; 4) Иванъ Гавриловъ, сынъ коллежскаго ассесора, нынѣ въ Интенданствѣ по найму писаремъ; 5) Николай Гавриловъ, сынъ колл. асс. нынѣ полицейскимъ урядникомъ; 6) Константинъ Зайцевъ, сынъ солдата, занимающійся извозомъ на собственныхъ лошадахъ; 7) Павелъ Зайцевъ, сынъ волостнымъ писаремъ въ Виленскомъ уѣздѣ; 8) Александръ Морозовъ, дочь солдата, нынѣ шортиха (выучена на средства братства); 9) Петръ Малевскій, сынъ коллежскаго секретаря, нынѣ имѣетъ домъ и занимается огородничествомъ; 10) Николай Громовъ, сынъ почетнаго гражданина, нынѣ полицейскій урядникъ; 11) Антонъ Хруцкій, сынъ колл. секретаря, нынѣ столоначальникъ въ полицейскомъ управленіи; 12) Константинъ Слюняевъ, сынъ губернскаго секретаря, нынѣ состоитъ въ штатѣ канцелярскихъ чинов. губ. правленія; 13) Осипъ Игнатьевъ Коваленко, сынъ солдата, нынѣ поручикъ, окончилъ курсъ въ Виленскомъ юнкерскомъ училищѣ, дѣлопроизводитель Акцизнаго управленія въ г. Свенцяхахъ; 14) Иванъ Станевичъ, сынъ почетнаго гражданина, нынѣ начальникъ почтово-телеграфнаго отдѣленія; 15) Михаилъ Смалевъ, сынъ почетнаго гражданина, нынѣ состоитъ на службѣ въ Виленскомъ губернскомъ правленіи писцомъ; 16) Логгинъ Ивановъ, сынъ вахтера, нынѣ подпоручикъ въ Саратовскомъ полку, окончилъ курсъ въ Виленскомъ юнкерскомъ училищѣ и военно-топографическомъ уч. въ С.-Петербургѣ; 17) Василій Гавриловъ, сынъ губернскаго секретаря, нынѣ поручикъ, батальонный адъютантъ, въ Оренбургскомъ полку окончилъ полный курсъ; 18) Александръ Андрушкевичъ, изъ мѣщанъ, нынѣ каменщикъ на ст. Умань Полѣскихъ ж. д. дорогъ, Чернигов. губ.; 19) Кузьма Тышковскій, сынъ солдата, нынѣ сапожный мастеръ; 20) Иванъ Пашковскій, сынъ почетнаго гражданина, нынѣ канцелярскій служитель въ губерн. правленіи; 21) Владиміръ Ивановъ, сынъ вахтера, нынѣ канцелярскій служитель въ канцеляріи Св. Синода; 22) Романъ Хруцкій, сынъ колл. секретаря, нынѣ писмоводителемъ у мирового судьи; 23) Антонъ Смильгинъ, изъ дворянъ, нынѣ подмастерье на гвоздяльной фабрикѣ на вост. Вилейкѣ; 24) Аскольдъ Ивановъ, сынъ вахтера, былъ писцомъ въ канцеляріи Св. Синода, а нынѣ отбываетъ воинскую повинность; 25) Михаилъ Соколовскій, сынъ надворнаго совѣтника, оуповленъ, нынѣ въ V классѣ Виленской I-й гимназіи; 26) Павелъ Мольверъ, сынъ колл. регистратора, нынѣ окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, зачисленъ помощ. присяжныхъ поверенныхъ; 27) Василій Мольверъ, сынъ колл. регистратора, обучался въ Реальномъ училищѣ III кл. — умеръ; 28) Михаилъ Хруцкій, сынъ колл. секретаря, нынѣ окончилъ курсъ въ Виленскомъ юнкерскомъ училищѣ, въ Оренбургскомъ полку подпоручикъ; 29) Михаилъ Федотовъ, сынъ унтеръ-офицера, нынѣ кондукторомъ при Виленскомъ инженерномъ

управленіи; 30) Теодоръ Бирюковичъ, сынъ губернскаго секретаря, нынѣ обучается въ Литовской духовной семинаріи; 31) Александръ Клименчукъ, сынъ унтеръ-офицера, нынѣ обучается въ реальномъ учил. въ VII кл.; 32) Василій Кордо, изъ мѣщанъ, нынѣ обучается въ I-й гимназіи VII кл., съ пособіемъ отъ братства; 33) Евгенийъ Бацановъ, сынъ губернскаго секретаря, нынѣ обучается въ реальномъ учил. въ VI кл., съ пособіемъ отъ братства; 34) Александръ Бартновскій, изъ дворянъ, нынѣ обучается въ городскомъ училищѣ, съ пособіемъ отъ братства; 35) Константинъ Ивановъ, сынъ вахтера, нынѣ находится на частной службѣ; 36) Николай Федотовъ, сынъ вахтера, нынѣ обучается въ мастерской живописца Молокина; 37) Анатолий Рустановичъ, сынъ надворнаго совѣтника, нынѣ обучается въ городскомъ училищѣ, съ пособіемъ отъ братства; 38) Николай Бартновскій, изъ дворянъ, нынѣ писцомъ въ канцеляріи директора Вилен. I-й гимназіи; 39) Владиміръ Гацкевичъ, сынъ колл. секретаря, нынѣ писцомъ въ Литовской духов. консисторіи; 40) Василій Ивановъ, сынъ унтеръ-офицера, нынѣ обучается столярному мастерству; 41) Андрей Шматинъ, сынъ губернскаго секретаря, нынѣ обучается въ реальномъ училищѣ въ III кл., съ пособіемъ отъ братства; 42) Георгій Васильевъ, сынъ вахтера, нынѣ въ Кіевской фельдшерской школѣ обучается на казенномъ содержаніи; 43) Викторъ Бурачевскій, сынъ мѣщанина, нынѣ опредѣленъ въ Сиротское отдѣленіе въ домъ милосердія; 44) Александръ Винчъ, изъ дворянъ, нынѣ обучается въ Лидскомъ уѣздномъ училищѣ; 45) Владиміръ Винчъ, изъ дворянъ, нынѣ обучается въ Виленскомъ Реальномъ уч. съ пособіемъ отъ братства; 46) Ольга Винчъ, изъ дворянъ, нынѣ отдана матери и получаетъ отъ братства пособія; 47) Александръ Гольдбергъ (изъ евреевъ) нынѣ обучается въ Кіевскомъ Софійскомъ духовномъ училищѣ; 48) Владиміръ Стоянчовъ, изъ болгаръ, нынѣ служитъ конторщикомъ въ пароходной компаніи на Дунаѣ.

Кромѣ сего въ приютѣ на короткое время помѣщались и другія дѣти сироты до присканія ими мѣстъ или службъ, такихъ было 8.

Нѣчто недоумѣнное.

На основаніи дѣствующихъ въ нашемъ отечествѣ законоположеній (72 ст. Хит. свод. закон.) бракъ православнаго лица съ лицомъ римско-католическаго исповѣданія, совершенный только въ костелѣ священникомъ латинскаго обряда, признается недѣйствительнымъ и незаконнымъ, пока этотъ бракъ не будетъ освященъ въ церкви православной священникомъ. Къ сожалѣнію, въ нашей епархіи, по мѣстнымъ условіямъ или безъ вліянія тайно дѣйствующей пропаганды, вслучаи такихъ браковъ бывали и бывають и иногда соединяются съ подлогами документовъ и т. п., что обыкновенно, когда возникаютъ дѣла о подобныхъ бракахъ, таковыя, хитри нежеланіи одного или обоихъ супруговъ повѣнчавшихся въ костелѣ исполнить прямое требованіе закона, объявляются судомъ недѣйствительными. Затѣмъ слѣдуетъ обыкновенная переписка съ рим.-католическими консисторіями о сдѣланіи отмѣтки противу акта бракосочетанія по метрическимъ книгамъ тѣхъ костеловъ, гдѣ повѣнчаны указанные браки, о признаніи ихъ судомъ недѣйствительными и незаконными. На этомъ обыкновенно кончалась переписка; лица незаконно повѣнчанныя въ костелѣ

или вѣнчались въ православной церкви, или же вступали въ новыя супружества или же исчезали изъ данной мѣстности, гдѣ обнаружено незаконное ихъ дѣяніе. Такъ было до послѣдняго времени. Но очень недавно одна изъ римско-католическихъ консисторій взглянула на дѣло иначе. Дѣлая распоряженіе объ учиненіи требуемой закономъ отмѣтки противу акта браковѣнчанія и о не преподаваніи лицу православнаго исповѣданія никакихъ вообще духовныхъ требъ по обряду римско-католической церкви во всѣхъ костелахъ извѣстнаго округа или деканата, она консисторія въ то же время добавляетъ въ своей перепискѣ, что слѣдуетъ въ отмѣткахъ присовокупить и о томъ, что лицо римско-католическаго исповѣданія, согласно догматическому изрѣченію Святѣйшаго Тридентинскаго Собора (Concil. Trident. sess. XXIV. d. 11 an. 1563), обязано пожизненно оставаться вѣрнымъ своей супружеской клятвѣ (matrimonium perpetuum et in dissolubile). Какъ понимать такія надписи по метрическимъ книгамъ—трудно разрѣшить; форма соборнаго опредѣленія при встрѣчѣ съ государственнымъ закономъ такая, что ей, по дунсвенію вѣтра, можно давать то или др. объясненіе и направленіе, а главное она разрушаетъ то, что опредѣляетъ государственный законъ. Еще разъ повторяемъ, что подобное распоряженіе римско-католическаго епархіальнаго начальства возникло недавно и принадлежитъ къ числу такихъ, кои способны возбудить недоувѣріе къ себѣ и недоумѣніе.

Виленскій архіерейскій хоръ при митрополитѣ Іосифѣ *).

(Продолженіе).

Представивъ краткій очеркъ устройства архіерейскаго хора въ Жировицахъ и Вильнѣ перейду ко времени своего въ немъ пребыванія.

Я поступилъ въ 1-й приходскій классъ Виленскаго духовнаго училища осенью 1847 года всего 6 лѣтъ отъ роду и уже грамотнымъ. Учителя приходскихъ классовъ, въ то время, были единственными преподавателями всѣхъ предметовъ своего класса и въ нашемъ классѣ учителемъ былъ Ѳома Тихоновичъ Спасскій (впоследствии іеромонахъ Св.-Духова монастыря Ѳеофилъ), въ то же время и пѣвчій архіерейскаго хора. Казалось, подѣ руководствомъ человѣка, поющаго съ малыхъ лѣтъ, можно-бы чему нибудь и намъ научиться, но тогдашняя система обученію пѣнія не давала возможности развернуть свой талантъ и выказать свои познанія самому знающему человѣку. Требовалось только, притомъ исключительно по церковному обиходу, долбить гаммы и многочисленные интервалы по тактамъ, полутактамъ, четвертямъ, восьмымъ и шестнадцатымъ, безъ помощи какого либо музыкальнаго инструмента, съ голоса учителя и отбивая тактъ рукою. Повышеніе звуковъ учитель указывалъ, дергая ученика за ухо вверхъ, а указателемъ пониженія служило то-же ухо, опускаемое внизъ; метрономомъ для ритма была линейка, искусно направлявшая наши руки къ нужному, правильному движенію. Это была работа невыносимо скучная какъ для учителя, такъ и для насъ, и мы не скоро-бы выучились пѣть, если-бы не былъ у насъ другой классъ пѣнія, независимый отъ учителя. Мы ходили ко всеобщей въ училищный залъ и къ обѣднѣ въ Духовъ

монастырь, гдѣ прислушиваясь къ пѣнію старшихъ классовъ незамѣтно усвоивали и заучивали на память разныя церковныя пѣсенныя. Кромѣ того мы уже распѣвали и свѣтскія пѣсни, неизвѣстно какимъ вѣтромъ къ намъ занесенныя, въ родѣ пѣсни про какого-то злосчастнаго семинариста, сданнаго въ солдаты какимъ-то архимандритомъ Никодимомъ, названнымъ за это въ пѣсни — крокодилкомъ. Такимъ порядкомъ, практически мы и обучались пѣнію, хотя, въ то же время, изучаемыя въ классѣ гаммы и интервалы сослужили свою службу развитіемъ нашихъ голосовъ и знакомствомъ съ ритмомъ и потными знаками, по которымъ впрочемъ намъ впоследствии пѣть не приходилось, такъ какъ то были не общепотребительные поты, а, такъ называемые, обиходные „крюки“. Но ни въ приходскихъ, ни въ высшихъ учебныхъ классахъ намъ не давали никакого понятія ни о діезахъ и бемоляхъ, ни о паузахъ, ни о другихъ знакахъ, употребляемыхъ въ пѣніи. Однако къ пріѣзду на экзамены предѣ Рождественскими и лѣтними каникулами преосвященнаго Іосифа мы, по слуху и памяти, разучивали догматику или какой нибудь канонъ весьма тщательно, потому что начальство знало отлично чѣмъ угодить владыкѣ. „Пѣніе всегда обезоруживало его, говоритъ одинъ изъ знавшихъ владыку, если даже и случалось ему быть недовольнымъ найденными въ учебномъ заведеніи порядками“¹⁾. Вотъ именно при такихъ-то обстоятельствахъ я, кажется, впервые и увидѣлъ нашего архіепископа. Тогдашнія политическія событія въ западной Европѣ (1848 и 49 гг.), холера въ Вильнѣ и краѣ, слухи объ увольненіи отъ должности оберъ-прокурора графа Протасова, какъ видно изъ записокъ м. Іосифа²⁾, сильно на него подействовали, не располагали его къ веселости, и онъ пріѣхалъ на экзамены до такой степени мрачнымъ, что я такимъ впоследствии никогда его не видывалъ. Экзаменъ начался съ церковно-славянскаго чтенія. Преосвященный требовалъ, чтобы ученики читали не слышно, но внятно и громко, а тутъ, при видѣ нахмуренной фізіономіи архіерея, перетрусившіе мальчуганы стали читать торопливо, заинаясь и заикаясь, невнятно—и владыка окончателно рассердился. Онъ набросился на одного учителя, потомъ заставилъ читать въ слухъ другого, сказавъ при этомъ: „вѣроятно ты и самъ не умѣешь читать“, а наконецъ обрушился на все начальство. Но началось пѣніе, сначала по классамъ, а потомъ и общее, владыка снялъ клобукъ, сталъ медленно ходить по залу, попивая большими глотками воду и одобрително покачивая головой, морщины на его широкомъ лбу разгладились, лицо прояснилось и онъ протился со всѣми мягко и ласково, закончивъ экзамены шуточной. Дѣло въ томъ, что послѣ спѣтыхъ нами разныхъ стихиръ и прмосовъ Ѳ. Т. Спасскій вздумалъ угостить владыку какимъ-то нарочно для экзамена разученнымъ нами кантомъ, который, сколько помнится, начинался словами: „Тебя-ли видимъ, гость желанный“, далѣе прославлялись мудрость и милосердіе архіепископа и краснорѣчиво и трогательно изображались наши къ нему чувства. Владыка, не любившій лести, послѣ первыхъ куплетовъ шуточно поклонился отъ дальнѣйшаго слушанья ластиваго гимна, прервалъ наше пѣніе и обращаясь къ намъ шуточно сказалъ, указывая на присутствовавшего при этомъ викарнаго епископа: „Вотъ вы это кому спойте на праздникахъ, а онъ васъ за это угоститъ“.

1) Литов. Епарх. Вѣд. 1870 г. стр. 325.

2) Зап. м. Іосифа, т. I, стр. 194 и т. II, стр. 395.

*) См. № 8.

Въ то время я былъ первымъ ученикомъ въ классѣ, притомъ самымъ младшимъ по лѣтамъ и самымъ маленькимъ по росту, и при переводѣ во 2-й приходскій классъ, когда на торжественномъ актѣ въ семинаріи, куда и насъ приводили, подзывали по спискамъ къ архіерею лучшихъ учениковъ семинаріи и училища для полученія изъ его рукъ книгъ и похвальныхъ листовъ, дошла очередь и до меня, то я бойко подскочилъ къ владыкѣ. Оказалось, что мнѣ награды не назначили и подходить къ архіерею не слѣдовало, но онъ, благословилъ меня и положивъ руку на мою голову, шуточно сказалъ: „если ты и въ слѣдующемъ классѣ будешь первымъ ученикомъ, то я дамъ тебѣ похвальный листъ такой-же величины какъ ты“. Это были первые милостивыя слова, обращенныя ко мнѣ нашимъ незабвеннымъ архипастыремъ, и я ихъ привожу здѣсь только для того, чтобы выяснитъ, что когда въ слѣдующемъ году, я поступилъ въ архіерейскій хоръ, то пр. Іосифъ уже зналъ меня какъ хорошаго ученика, и я съ тѣхъ поръ пользовался его расположеніемъ, которымъ онъ не оставлялъ меня до самаго окончанія курса семинарскаго курса.

Между товарищами я уже считался голосистымъ заѣввалой, но учитель пѣнія 2-го приходскаго класса и регентъ М. И. Успенскій все еще не бралъ меня въ хоръ, вѣроятно по малолѣтству и только въ 1850 г. 13 августа велѣлъ мнѣ, вмѣстѣ съ другими пѣвчими, идти на спѣвку въ Духовъ монастырь.

Я потому до сихъ поръ помню этотъ годъ и даже это число, что такое, повидимому маловажное событіе, какъ поступленіе въ хоръ, чрезвычайно меня тогда обрадовало, а затѣмъ опредѣлило дальнѣйшее теченіе моей жизни, не одинъ разъ впоследствии, на трудовомъ жизненномъ пути не только спасало меня отъ нужды, но и дало мнѣ въ Петербургскомъ музыкальномъ мірѣ нѣкоторую извѣстность и доставляло мнѣ, какъ любителю пѣнія и музыки, неисчерпаемый источникъ музыкальныхъ наслажденій, которыми я прожилъ 40 лѣтъ. Я даже помню, что на этой спѣвкѣ мы разучивали одинъ изъ лучшихъ задостойниковъ Турчанинова „Ангели усненіе“ и съ тѣхъ поръ этотъ задостойникъ сталъ для меня любимѣйшимъ изъ всѣхъ.

Но прежде изложенія дальнѣйшихъ событій выскажу свое мнѣніе о главномъ дѣятелѣ хора — М. И. Успенскомъ.

Изъ пѣвчихъ Калужскаго архіерейскаго хора онъ поступилъ регентомъ въ Минскъ, гдѣ на него и обратилъ вниманіе преосв. Іосифъ. Митрофанъ Ивановичъ не получилъ спеціальнаго музыкальнаго образованія, но самоучкой выучился играть на скрипкѣ и какъ любитель пѣнія всецѣло преданъ своему дѣлу. Онъ обладалъ рѣдкимъ вкусомъ. Въ его время провинціальныя, да и большинство столичныхъ хоровъ отличались громогласнымъ пѣніемъ и выбирали партесныя пьесы, нарочито для такого пѣнія написанныя разными Дегтеревыми, Веделями и др. Чѣмъ громче оралъ хоръ и чѣмъ больше исполнялъ нотныхъ пьесъ, притомъ самыхъ нецерковныхъ и крикливыхъ, тѣмъ считался лучшимъ. Отчасти по вліянію преосв. Іосифа, не любившаго крикливаго пѣнія ¹⁾, а вѣрнѣе по врожденному вкусу Успенскій сдерживалъ хоръ отъ излишняго форте, да и самый выборъ пьесъ ограничивался главнымъ образомъ сочиненіями Бортнянскаго, Турчанинова и отчасти Львова,

¹⁾ ... „Я гонялъ начальство за то, что выучили учениковъ „нехорошему и крикливому напѣву“ (Зап. т. II, стр. 49). Да и въ бытность мою въ хорѣ архіерей не рѣдко „гонялъ“ семинаристовъ за крикливое пѣніе въ его крестовой церкви.

притомъ лучшимъ, недававшими возможности разгуляться басамъ. Разучиваніе было у него самое тщательное; я не помню, чтобы мы когда наврали въ церкви, пѣюансы строго соблюдались, темъ брался правильнѣй, слухъ регента такъ былъ развитъ, что онъ замѣчалъ малѣйшую фальшь, недозвучалось никакой натяжки, искусственности въ пѣніи, басамъ не дозволялось надуться и густить ненатурально голосъ или кому либо издавать горловые звуки. Такихъ пѣвчихъ онъ ловко передразнивалъ и тѣмъ отучалъ отъ дурныхъ привычекъ. На спѣвки, въ церковь Успенскій являлся аккуратно и отличаясь необыкновеннымъ здоровьемъ не пропускалъ ни одной службы, не нуждаясь ни въ какихъ помощникахъ. Какъ человекъ, онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе, не прибѣгая къ жалобамъ на взрослыхъ пѣвчихъ и къ тѣмъ частымъ педагогическимъ мѣрамъ относительно малолѣтнихъ, которыя были вѣтакомъ ходу въ его время, а какъ регентъ внушалъ пѣвчимъ полное довѣріе, что имѣетъ весьма важное значеніе для строгаго, хорошаго исполненія. Регентъ тогда получалъ всего 200 р. въ годъ жалованья, кружечныхъ денегъ было очень мало, а потому Успенскій, хотя и не окончилъ семинарскаго курса, назначенъ былъ учителемъ 2-го приходскаго класса, гдѣ уже, кромѣ чтенія и письма, преподавались ариметика и грамматика. Разумѣется, какъ въ то время впрочемъ было принято и большинствомъ учителей, Успенскій не пускался ни въ какія разъясненія и дополненія учебниковъ; прочтеть, бывало, изъ учебника что предполагаетъ задать выучить, и если какое грамматическое правило покажется ему необходимымъ, то проговоривъ — „а, это хорошее правило“, прочтеть его еще разъ, а мы уже не смѣли ни одного слова измѣнить или переставить, отвѣчая урокъ по грамматикѣ Греча. Успенскій слѣдилъ по книгѣ и замѣтивъ ошибку тотчасъ останавливалъ: „врешь, не выдумывай, лучше Греча не скажешь“, но если такія ошибки повторялись, то виновный подвергался обычному въ то время наказанію розгами, но не жестокому, какъ бывало у другихъ учителей. Переспросивъ учениковъ и прочитавъ для слѣдующаго урока „хорошее“ правило, или задачу, или просмотрѣвъ тетради по чистописанію, Успенскому дѣлать больше было нечего, а между тѣмъ уроки въ то время были двухъ-часовые, и онъ въ остальное время рассказывалъ разные анекдоты и побасенки, возбуждая веселость и смѣхъ въ дѣтяхъ, за что мы его и любили. Въ случаѣ болѣзни кого либо изъ пѣвчихъ Успенскій часто приходилъ въ больницу, развлекалъ его, игралъ съ нимъ въ дурачки, приносилъ чай и пирожное. Теперь такія отношенія быть можетъ никому не покажутся удивительными, но то время — было время формальныхъ, суровыхъ отношеній учителя къ ученикамъ.

Во время моего поступленія въ архіерейскій хоръ, онъ былъ въ упадкѣ; вызванные изъ другихъ губерній пѣвчіе уже частію выбыли изъ хора въ священники или діаконы (Григорій Успенскій, Фортинскій и др.), частію потеряли голоса (Снасскій, Якубовскій, Проценковъ, Свѣтвостокъ, Померанцевъ) и только не многіе (Бывалькевичъ, Виноградовъ) участвовали въ хорѣ уже взрослыми. Большая часть малолѣтнихъ подходила къ годамъ, когда голоса спадаютъ (Чулковъ, Илья Петровскій, Пахникевичъ, Юноцкевичъ, Михаилъ Кузьминскій), или только что вступили въ хоръ, мало къ тому подготовленные (я, Крачковскій, Клодницкій, Чайковскій, Занкевичъ, Химуля, Турцевичъ, Илларионъ Будзиловичъ, Бренъ и др., конечно одни раньше, другіе

нѣсколько позже). Понятно, что при небольшомъ составѣ архіерейскаго хора (всего 24 пѣвчихъ), за выбытіемъ опытныхъ и вступленіемъ большинства неопытныхъ и даже неумѣлыхъ пѣвчихъ, хоръ былъ какой-то распатанный; да еще при принятой архіереемъ системѣ организациі хора регенту предстояла постоянная, неутомимая работа для того, чтобы держать хоръ всегда на одинаковой высотѣ.

Преосвященный Іосифъ допускалъ въ свой хоръ только учащихся и учащихся въ семинаріи и училищѣ; какъ только кто изъ пѣвчихъ облачался въ рясу, или поступалъ въ чиновники консисторіи, псаломщики, въ хорѣ ему болѣе бѣть не дозволялось¹⁾ Эта система, отличная отъ существовавшей въ другихъ губерніяхъ, гдѣ пѣвчими могли быть приходскіе священники, діаконы, псаломщики вмѣстѣ съ семинаристами и учениками училищъ, имѣла свои хорошія и дурныя стороны. Съ одной стороны однородность элементовъ хора, составленнаго изъ учениковъ-товарищей, или стоявшихъ курсомъ выше, курсомъ ниже, или даже состоявшихъ учителями и надзирателями того-же училища, изъ котораго бѣли большинство малолѣтнихъ, сличивало хоръ въ одно цѣлое; всѣ жили вмѣстѣ, жили одними школьными интересами, жили дружно, а отсутствіе въ хорѣ постороннихъ учащихся и учащихся лицъ, въ иныхъ хорахъ не всегда благонадежныхъ, спасало хоръ отъ извѣстныхъ недостатковъ, присущихъ другимъ хорамъ. Но съ другой стороны—ограничивался кругъ выбора въ пѣвчіе и часто мѣнялся составъ ихъ. Мальчикъ-снадышъ замѣнялся только ученикомъ Виленскаго училища и въ рѣдкихъ случаяхъ переведеннымъ изъ Жировидѣ, взрослый поступалъ въ хоръ очень молодымъ, 18—20 лѣтъ, съ не вполне сформировавшимся и окрѣпшимъ голосомъ и по окончаніи семинаріи выходилъ въ священники, а если и назначали его учителемъ или надзирателемъ училища, то только на два много на три года, и затѣмъ онъ шелъ въ священники, выбывая изъ хора въ то время, когда его голосъ пріобрѣталъ надлежащую силу и когда онъ вполне уже ознакомился съ пѣніемъ. Послѣ этого понятно, почему иногда архіерейскій хоръ падалъ. Въ такое именно время поступилъ я въ хоръ и вскорѣ послѣ того преосвященный Іосифъ обратилъ вниманіе на плачевное состояніе своего хора. „Замѣчая съ нѣкотораго времени упадокъ Виленскаго архіерейскаго хора“ и „недоумѣвая, происходитъ-ли нынѣшній упадокъ пѣвчаго хора единственно отъ лѣности и нерадѣнія регента Успенскаго, или-же отъ его неспособности,—такъ какъ прежнее хорошее состояніе того хора можно отнести къ двукратно выписаннымъ изъ другихъ епархій двадцати четыремъ отличнo приготовленнымъ пѣвчимъ“, архіерей поручилъ своему ковенскому викарію (Евсевію) и кафедральному протоіерею (Гомолицкому) „призвать сей хоръ и вникнуть въ причины этого упадка“. Успенскій не явился вмѣстѣ съ пѣвчими, а некомпетентные въ этомъ дѣлѣ слѣдователи, не выкинувъ какъ слѣдуетъ въ указанныя выше причины временнаго упадка хора, а только переспросивъ насъ—когда кто поступилъ въ хоръ и чему въ немъ выучился, признали плохое состояніе хора „лѣности и нерадѣнію регента, который весьма мало занимался обученіемъ пѣвчихъ“ и Успенскій получилъ чрезъ управленіе семинаріи строгій выговоръ „за незначительность“, съ угрозою лишенія которой либо изъ должностей, учительской и регентской, или-же обѣихъ²⁾. Слѣдователи однако не ошиблись, признавъ Успен-

скаго способнымъ поставить хоръ какъ слѣдуетъ, а какъ грозный выговоръ владыки совпалъ со вступленіемъ въ хоръ свѣжихъ, хорошихъ и даже выдающихся голосовъ, то Митрофанъ Ивановичъ дѣятельно принялся за дѣло и скоро доказалъ, что у него прекрасныя къ регентству способности. Всѣ новички малолѣтніе были освобождены отъ послѣобѣденныхъ въ классахъ уроковъ, занимаясь въ это время подготовкою заданныхъ регентомъ пьесъ. Правда, и здѣсь система Успенскаго была та же, что и при обученіи грамматикѣ. Задастъ, напр., выучить концертъ Бортиянскаго, а мы не знаемъ ни тона, ни разныхъ знаковъ, ни счета паузы и мучимся, сами добирался—какъ взять такую-то ноту, или когда вступить послѣ паузы. Одинъ изъ товарищей (Занкевичъ) игралъ на скрипкѣ и это значительно облегчало наше разучиваніе, способствуя, впрочемъ, къ развитію въ нѣкоторыхъ изъ насъ лѣни. Я, напр., отличаясь богатою памятью, въ то время когда бѣдный Занкевичъ и за нимъ другіе потѣли надъ труднымъ интерваломъ, преспокойно валялся на кровати, прислушивался къ мелодіи и запоминая ее безъ всякихъ усилій. Позапявшись такимъ образомъ два часа мы шли къ регенту и тамъ бѣли разучиваемое еще часъ или два; разъ въ недѣлю были общія свѣчки, и скоро мы стали порядочными уже пѣвцами, репертуаръ нашъ все увеличивался, исполненіе шло съ каждымъ разомъ тщательнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при столь частомъ и хорошемъ пѣніи, при выборѣ хорошихъ пьесъ все больше и больше проникала въ насъ любовь къ пѣнію, безъ чего, по моему наблюденію, ни одинъ хоръ, ни одинъ даже пѣвецъ не можетъ быть хорошимъ исполнителемъ, какимъ-бы богатымъ голосомъ ни надѣлила его природа.

Первыя торжества при улучшенномъ уже составѣ хора предстояли уже при освященіи церкви—пещерной въ Свято-Духовомъ монастырѣ (14 апрѣля 1851 г.), Троицкой (4 ноября того-же года) и хиротоніи епископа Ковенскаго Филарета (Малишевскаго 28 мая того-же года). Всѣ эти службы, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ требовали многихъ приготовленій съ нашей стороны, но всѣ прошли благополучно, а къ освященію Троицкой церкви мы приготовили даже одинъ изъ труднѣйшихъ концертовъ Бортиянскаго: „Господи Боже Израилевъ“, но мы были очень огорчены, такъ какъ намъ дали исполнить только начало концерта. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день назначена была проповѣдь о чемъ намъ не было извѣстно. Проповѣдникъ вышелъ къ аналою, вынулъ тетрадь и сдѣлавъ обычный возгласъ, вмѣсто текста произнесъ по польски: „Не та проповѣдь“ и съ тѣмъ ушелъ въ алтарь. Мы начали концертъ, но не успѣли окончить первую часть, какъ опять поставили аналой и преосвященный вновь вышелъ съ принесенною ему изъ квартиры проповѣдью.

Въ 1851 году я былъ уже солистомъ и исполнителемъ, а какъ исполнители были подобраны всѣ новенькіе и изъ одного класса (Крачковскій, Чайковскій и я), то мы кромѣ того, что учили „исполла“ и пр. подъ руководствомъ регента, но еще и сами упражнялись не мало. Живо помню какъ я трусилъ, выступая въ алтарь въ первый разъ солистомъ; на бѣду я былъ маленькаго роста, на меня не нашли подходящаго стихаря и я долженъ былъ пугаться въ какомъ-то длинномъ стихарѣ. Вообще съ моими костюмами была большая возня; парадный костюмъ еще кое-какъ пришелся по росту, онъ былъ съ плеча б. пѣвчаго Померанцева, впоследствии, кажется, самого маленькаго въ епар-

¹⁾ Въ послѣдніе годы эта система измѣнилась во многомъ.

²⁾ Зап. м. Іосифа, т. II, стр. 511.

хія священника, но съ стихарями была постоянная возня, особенно при службахъ въ разныхъ церквяхъ.

Первые мои дебюты въ качествѣ солиста оказались удачными, на мой голосъ (альтъ) обратили вниманіе и вскорѣ Успенскій приступилъ къ разучиванію концерта „Блаженіи людіе“, очевидно написаннаго Бортинскимъ въ такое время, когда въ придворной капеллѣ былъ высокій, красивый альтъ, который могъ исполнять многочисленныя въ концертѣ соло съ верхнимъ, рѣдкимъ у альтовъ, мибемоль. Концертъ пришелся по моему голосу и мое верхнее мибемоль долго оглашало своды Виленскихъ церквей.

Вообще, въ мои лучшіе по голосу годы (1851—1856) составъ хора былъ прекрасный; Успенскій особенно усердствовалъ и мы исполняли, кромѣ различныхъ херувимскихъ и другихъ церковныхъ пѣсней, наилучшіе изъ концертовъ Бортинскаго: Господи кто обитаетъ... Блаженіи людіе... Вскую прискорбна еси... Скажи ми Господи кончину мою... Господи Боже Израилевъ... Не умолчимъ никогда Богородице... На Тя Господи уповахъ... кромѣ того Рождественскіе и Пасхальные и одинъ концертъ Дегтерева — Преславная днесь... Самое служеніе архіерейское было въ то время необыкновенно торжественно и впечатлительно. „Послѣ возведенія его, (т. е. Іосифа), въ санъ митрополита, пишетъ одинъ изъ жившихъ въ то время въ Вильнѣ русскихъ, онъ окружилъ „себя еще большимъ почетомъ и обставилъ совершаемыя имъ богослуженія особенною обрядностью по установленію и примѣру Кіевской кафедрѣ“¹⁾. Онъ, можно сказать, былъ на эффектъ, считая его необходимымъ для престижа православія въ сѣверо-западномъ краѣ, но въ сущности поддаваясь не мало и природному честолюбію своему. Хоръ его пѣвчихъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, духовенство отборное, а протодіаконъ такой, что о немъ было доведено до свѣдѣнія Государя для перевода его въ Петербургъ въ придворныя“. Разсказывали, что на докладѣ Государю о переводѣ протодіакона Императоръ Николай сказалъ: „Оставьте прекрасному Іосифу прекраснаго протодіакона“²⁾.

Мнѣ лично неоднократно, внослѣдствіи, приходилось присутствовать при архіерейскихъ служеніяхъ въ Петербургѣ, но я всегда находилъ Виленскія служенія прежняго времени красивѣе. Духовенство было дѣйствительно отборное: рѣдкой красоты брюнетъ—протодіаконъ Заборовскій и сослужащіе съ нимъ соборные діаконъ—блондины Григорій Успенскій и Михалевичъ, всѣ трое одного роста; точно братья похожіе другъ на друга протодіаконъ—Фортинскій и Пигулевскій, всѣ притомъ съ прекрасными голосами, красивые собою архимандриты—Александръ и Антоній священники—Щолко и Кургановичъ... всѣ они, въ общемъ, при типичномъ, прекрасномъ лицѣ митрополита, представляли очень красивую картину, а цѣніе духовенства, поддерживаемое, кромѣ роскошныхъ голосовъ упомянутыхъ діаконъ, звонкими тенорами священниковъ Щолко и Кургановича и архимандрита Антонія производило необыкновенное впечатлѣніе. Служеніе шло не только чинно, но особенно какъ то изящно и красиво. Суетни, а тѣмъ болѣе ошибокъ не допускалось, а если случалась какая ошибка, то зорко за всѣмъ слѣдившій митрополитъ не оставлялъ неисправныхъ безъ наказанія, будь это самая мелочная ошибка. Онъ находилъ, что эти неисправности дѣйствуютъ „неблаговиднѣ

нѣ духовенство и народъ“. Приведенная фраза можетъ навести на мысль, что она была вызвана какимъ нибудь крупнымъ упущеніемъ, однако все дѣло заключалось въ томъ, что пѣвшіе на лѣвомъ клиросѣ семинаристы богословскаго класса „не во время пропѣли Аминь“, за что имъ назначили по его приказанію, по 25 поклоновъ, а послушникъ два раза не во время подаль кадило¹⁾. Богослуженіе, быть можетъ, казалось торжественнѣе еще и потому, что митрополитъ служилъ только въ большіе праздники и царскіе дни, а потому такія рѣдкія службы невольно возбуждали особый интересъ. Этимъ мы не желаемъ сказать, что митрополитъ не любилъ служить; онъ, напротивъ, служилъ каждое воскресенье въ зимнее время, но только раннія обѣдни въ пещерной церкви мучениковъ, и эти службы отличались скромностью и простотою. Съ митрополитомъ служили два іеромонаха, пѣли нѣсколько взрослыхъ пѣвчихъ, а однажды (22 марта 1859 г.) митрополитъ служилъ обѣдню въ священнической ризѣ изъ присланныхъ Императрицею Маріею Александровною для нѣсколькихъ церквей Литовской епархіи. *М. А. Берманъ.*

(Окончаніе будетъ).

Переписка литовскаго канцлера Льва Ивановича Сапѣги.

Prochaska A. Archivum domus Sapiehanae. Tomus I continet codicem epistolarem. 1575—1606. Lwów. 1892. F^o. XXXV+577.

Д-ръ А. Прохаска, извѣстный своими изслѣдованіями и изданіями по исторіи западной Россіи, выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе, содержащее весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Россіи конца XVI столѣтія. Новый трудъ г. Прохаски содержитъ переписку литовскаго канцлера Льва Ивановича Сапѣги съ королемъ и разными выдающимися политическими, государственными и общественными дѣятелями. Какъ по характеру переписывающихся лицъ, такъ и по вопросамъ, обсуждавшимся въ изданныхъ письмахъ, матеріалъ этотъ имѣетъ первостепенную важность. Нѣкоторыя письма Сапѣги были напечатаны раньше въ изданіи Когновицкаго (*Życia Sapiehów. Wilno. 1790*), въ Актахъ Западной Россіи въ изданіи краковской академіи (*Archivum domus Radziwilów. Scriptorum rerum polonicarum. T. VIII*); но это составляло незначительную часть обширной переписки канцлера. Нынѣ г. Прохаска собралъ въ своемъ трудѣ весь матеріалъ, какой удалось ему найти въ разныхъ архивахъ, но ограничилъ первый томъ 1606 годомъ.

Не входя въ критическую оцѣнку технической стороны изданія, которую, на мой взглядъ, слѣдуетъ признать вполне удовлетворительною, я перехожу къ разсмотрѣнію изданнаго матеріала по содержанію и останавлиюсь главнымъ образомъ на трехъ важнѣйшихъ моментахъ изъ литовской жизни, представленныхъ въ этихъ письмахъ: на вопросахъ касающихся отношеній Литвы къ Польшѣ, на вопросѣ объ униіи и на отношеніяхъ Польши-Литвы къ Московскому государству. Эти вопросы въ перепискѣ Сапѣги выдвигаются на первый планъ вслѣдствіе его государственнаго положенія, какъ канцлера, въ то время, когда эти вопросы назрѣвали. Въ сборникѣ этомъ находимъ мы всего 625 писемъ, изъ нихъ 279 самого Льва Сапѣги къ вліятельнѣйшимъ личностямъ того времени. Остальныя письма писаны къ Сапѣгѣ разными выдающимися дѣятелями. Изъ нихъ 93 пись-

1) Выходъ въ соборъ и изъ собора „со славою“.

2) Русская Старина, 1892 г. т. III, стр. 340.

1) Зап. м. Іосифа, т. III, стр. 1151.

ма короля Сигизмунда, которыя относятся къ обязанностямъ Сапѣги какъ канцлера, такъ и сенатора. Въ нихъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ письма, касающіяся разныхъ вопросовъ внутренней и внешней политики. Особенный интересъ представляютъ письма Ипатія Потѣя—въслѣдствіе тѣхъ вопросовъ, которые въ нихъ Потѣй со страстностью обсуждаетъ.

Въ данномъ случаѣ личность самого Сапѣги играетъ немаловажную роль. Левъ Ивановичъ Сапѣга родился 4-го апрѣля 1557 года, образованіе получилъ въ германскихъ университетахъ и молодымъ еще юношею назначенъ былъ Стефаномъ Баторіемъ въ королевскіе секретари (30-го января 1580 г.) и вскорѣ послѣ того (1581 г.)—литовскимъ писаремъ. Въ 1584 г. Баторій отправилъ его посломъ къ Иоанну Грозному, но Сапѣга не засталъ царя въ живыхъ. Изъ Москвы Сапѣга писалъ князю Радзивилу, и это письмо напечатано было раньше (*Archivum Radziwiłów* 174). По возвращеніи изъ Москвы, 2-го февраля 1585 г., онъ былъ назначенъ на должность литовскаго вице-канцлера и въ это время издалъ на свой счетъ Литовскій статутъ на русскомъ языкѣ. Въ 1589 году былъ уже литовскимъ канцлеромъ и приступилъ къ реформѣ литовской метрики, при чемъ велѣлъ переписать всѣ старыя книги ¹⁾. Въ 1600—1601 г. былъ вторично посланъ въ Москву. Съ 1621 года до конца жизни оставался виленискимъ всеводою, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1625 года должность гетмана. Умеръ въ Вильнѣ 7-го июля 1633 года. Въ виду такого положенія, занимаемаго Сапѣгой, почти три сотни его писемъ за послѣднюю четверть XVI столѣтія имѣютъ для историка особенный интересъ, такъ какъ относятся къ разнообразнымъ сторонамъ политической и государственной жизни Литвы.

Взглядъ Сапѣги (а вмѣстѣ съ нимъ и всей вліятельной партіи Литвы) на унию проглядываетъ изъ его письма къ князю К. Острожскому и Хр. Радзивилу, а также изъ писемъ къ нему Ипатія Потѣя.

Въ августѣ 1595 г. собрался въ Торнѣ съѣздъ всѣхъ литовско-польскихъ протестантовъ. На этотъ съѣздъ отправилъ своего посла князь К. Острожскій съ предложеніемъ заключить союзъ протестантовъ съ православными. Содержаніе инструкціи и постигая ее судьба извѣстны изъ разсказа Антирресиса (64—68) ²⁾. На основаніи Антирресиса разсказываютъ объ этомъ Ликовскій ³⁾ и М. Коляловичъ. Инструкція, данная послу, была перехвачена, и сношенія князя съ протестантами представлены Сигизмунду въ такомъ видѣ, что князь позорно поноситъ передъ еретиками сына Божія, папу, укоряетъ короля въ неудачной попыткѣ получить шведскую корону и грозить выставить противъ него 20.000 войска. Сигизмундъ и иезуиты воспылали гнѣвомъ, поручили одному сенатору, родственнику князя, написать ему строгій выговоръ и отказались рѣшительно дозволить созваніе собора ⁴⁾. Извѣстія эти разъясняются нынѣ найденнымъ, въ собственноручномъ черновикѣ, письмомъ Л. Сапѣги къ князю К. Острожскому. 12-го августа князь отправилъ своего посла въ Торнѣ, а 10-го

1) См. мое *Описаніе Литовской метрики*. Спб. 1887, стр. 8.

2) *Antyrresis* або *apologia przeciwo Krystoforowi Philaletowi w Wilnie. 1600*. Русскій текстъ этой книги вышелъ раньше польскаго, какъ это видно изъ стр. 20, а не есть переводъ съ польскаго, какъ думаетъ М. О. Коляловичъ, Литовская униа, I, 883.

3) *Rokowania poprzedzające unię brzeską*. Krakow, 1886, стр. 71.

4) Коляловичъ, Литовская церковная униа, I, 137.

сентября того же года Сапѣга пишетъ ему по поводу этого слѣдующее:

„Изъ письма, которымъ вы меня почтили черезъ посла, я вижу ваше ко мнѣ большое и неизмѣнное благорасположеніе, за что я вамъ очень благодаренъ и радъ отслужить. Отъ вашего слуги я узналъ о всемъ, на что вы мнѣ указать благоволили, и я донесъ объ этомъ королю. Я просилъ, чтобы король, по вашей просьбѣ, благоволилъ отдать пинскую каѳедру (*władcytvo*) Денису Слободскому, а также, чтобы король не торопился по вопросу объ остальныхъ владыкахъ, но прежде созвалъ соборъ или съѣздъ, чтобы это начатое дѣло шло впередъ съ согласія васъ всѣхъ и проч. Но, князь, вопреки моему ожиданію нашелъ я короля сильно опечаленнымъ и обиженнымъ на васъ. Король мнѣ отвѣтилъ, что вы всегда пользовались его особенною милостію и благорасположеніемъ какъ по отношенію къ вамъ самимъ, такъ и всей вашей фамиліи, что вы всегда получали, о чемъ когда нибудь просили для себя, своихъ сыновей и даже слугъ и друзей, что король охотно исполнялъ всѣ ваши просьбы и ходатайства; теперь король сожалѣетъ объ этомъ, видя вашу неблагодарность и недоброжелательство къ нему. Все это по разнымъ причинамъ, а главнымъ образомъ потому, что вы, посылая своего слугу Писковскаго ¹⁾ въ Торнѣ на съѣздъ еретиковъ, дали ему инструкцію, написанную остро и, какъ король говоритъ, глумо, неосторожно и полную бунта (*sedicji*). Это слѣдуетъ порицать въ обыкновенномъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе не подобало сенатору писать такихъ вещей. Если же это вышло отъ васъ, то, право, слѣдовало бы обдумать и посоветоваться. Я сильно опасаюсь, чтобы вамъ не пришлось сожалѣть объ этомъ, не слѣдуетъ такъ этимъ пренебрегать. Я вижу, что король очень обиженъ и досадуетъ на васъ и не хочетъ вамъ простить этого. Господь вѣдаетъ, что изъ этого выйдетъ. Конечно, я не могъ добиться того, чтобы король по вашему ходатайству далъ эту пинскую каѳедру ²⁾. Что же касается собора или съѣзда, то король не противился бы этому и охотно созвалъ бы его, какъ писалъ объ этомъ вамъ черезъ Каменецкаго кастеляна. Теперь же послѣ вашего оскорбительнаго посланія и послѣ такой деклараціи, кажется, никому нельзя на васъ полагаться и ожидать, чтобы вы сами хотѣли соглашенія и хотѣли къ этому склонять другихъ; наоборотъ, изъ вашего письма видно, что вы всѣми средствами хотите дѣло портить. Какъ католикамъ мало будетъ пользы отъ вашего соединенія, такъ и никакой не будетъ потери, когда вы оставитесь по старому въ вашемъ отдѣленіи. Наоборотъ, если бы Русь хотѣла хорошо подумать, то сама должна бы этого желать и усердно хлопотать о соединеніи съ Божьей церковью. Это полезно и неотложно болѣе имъ, чѣмъ намъ. Но все это пусть остается при васъ, зачѣмъ же однако, ругать папу, называть его антихристомъ, врагомъ сына Божія, безчестить католиковъ и святую католическую римскую вѣру, грозить королю потерю здоровья или королевства, упрекать шведскою коронаціей, соединяться противъ короля съ еретиками и поносителями Божія величія и таковыхъ вооружать противъ католиковъ, а такъ какъ король самъ католикъ, то общать

1) Въ Антирресисѣ слуга названъ—Лушковскій.

2) Пинскую епископію по смерти Леонтія Педчицкаго (жившаго еще 26-го августа 1595 г.) 22-го сентября 1595 г. Іонѣ Гоголю „за поданьемъ... М. Рагозы и за залѣцнемъ... Ипатія Потѣя и Кирила Терлецкаго“ враговъ князя К. Острожскаго. (Акты. З. Россіи IV, № 85 и 81).

на самого короля выслать 20.000 войска, упоминать о еухаркахъ, печатать воззванія, полныя бунта и клеветы, помимо королевской власти, чего нельзя издавать никому безъ королевскаго разрѣшенія, такъ какъ это принадлежитъ только одному королю. Всего этого, любезный князь, право не подобало дѣлать, и я хотя вашъ покорный слуга и благодарный родственникъ, однако этого похвалить не могу и отъ сердца сожалею, что это вышло отъ васъ. Что же касается того, что вы, поссорившись съ владыками лужицкимъ (К. Терлецкій) и владимірскимъ (И. Потѣй), угрожаете имъ отнятіемъ имущества и даже угрожаете ихъ жизни, то я вамъ совѣтую прекратить это и оставить ихъ въ покоѣ. Король, какъ назначающій, защищающій и верховный повелитель всѣхъ духовныхъ, какъ римской такъ и греческой религіи, соизволилъ объявить, что если кто что-нибудь сдѣлаетъ которому изъ нихъ, то пусть ожидаетъ того же самому себѣ, такъ какъ король всѣми способами желаетъ и будетъ защищать отъ всякаго насилія, обиды и притѣсненій. Я совѣтовалъ бы вамъ скорѣе постараться о томъ, чтобы не пришлось вступать съ королемъ въ столкновенія, къ чему, кажется, дѣло очень клонится¹⁾.

Кн. Острожскій отвѣтилъ на это письмо, а каковъ былъ его отвѣтъ, видимъ изъ письма Сапѣги къ Хр. Радзивилу отъ 13 (3)-го октября 1595 г.: „Писалъ ко мнѣ тотъ zelator patriae, который всѣхъ порицаетъ, не щадя ни живыхъ, ни мертвыхъ. Какъ въ той копіи, которую вы мнѣ прислали, такъ и теперь все то же повторяетъ и только себя считаетъ хорошимъ. Вы изумитесь тому дерзкому письму, какую удивительно ужасную клевету взводитъ онъ на меня, на короля, на иезуитовъ, на католиковъ. Я сохраняю это письмо до моего съ вами свиданія; теперь обдумываю, отвѣчать ли ему, или отнестись съ презрѣніемъ къ его пошлости; а будетъ пожалуй торжествовать; лучше отвѣчу ему что-нибудь. Онъ настаиваетъ на созваніи общаго сѣзда, а королю отсвѣтывать не буду, но при такомъ положеніи дѣлъ не стану и совѣтовать“.

Канцлеръ Сапѣга находился въ постоянной перепискѣ съ извѣстнымъ дѣятелемъ уни Ипатіемъ Потѣемъ. Г. Прохаска издалъ 19 писемъ Потѣи, которыя прекрасно характеризуютъ, какъ личность самого Потѣя, такъ и состояніе соединенной церкви и отношеніе къ ней литовскихъ гражданскихъ властей. Къ Сапѣгѣ Потѣй обращается въ дѣлахъ церковныхъ, „какъ могущественному защитнику, вѣрному и послушному сыну церкви, которому не надо напоминать о дѣлахъ церкви и святаго единенія“ (362). Поэтому обращается онъ къ нему за содѣйствіемъ въ дѣлахъ церковныхъ. „Прошу васъ, пишетъ Потѣй, обращайтесь на насъ больше вниманія, если не хотите, чтобы это дѣло по старому не подвигалось впередъ, мы сами ничего не сможемъ“ (279). Потѣй постоянно требуетъ содѣйствія гражданскихъ властей, проситъ канцлера: „помогите мнѣ своею властью, и увидите, что я ихъ такъ усмирю, что и другіе побоятся, такъ какъ милостью мы ничего не подбавимъ съ этимъ скотомъ“ (341). Самъ Потѣй не церемонился съ поповни- мися въ его руки. Такъ 4-го июля 1601 г. пишетъ онъ Сапѣгѣ: „Полоцкаго протоиона и его товарища я приговорилъ къ 12-недѣльному тюремному заключенію здѣсь въ Вильнѣ, въ моей тюрьмѣ, съ правомъ на королевское поми-“

4) Антиррисисъ посвященъ Сапѣгѣ, этимъ, можетъ быть, отчасти и объясняется точность передачи хода всего этого дѣла.

лованіе“. Потѣй отправляетъ его къ королю съ просьбою, освободить его отъ тюрьмы, но хорошенько наказатъ (abū tu dōbra facine dano), такъ какъ „онъ величайшій врагъ святаго единенія. О немъ пишетъ полоцкій ректоръ, что онъ тамъ устраиваетъ бунты противъ соединенія и подстрекаетъ народъ. Слѣдовало бы его тамъ проучить и серьезно припротить, чтобы онъ не разрывалъ святаго единенія, но чтобы оно поддерживалъ“ (278). Потѣй грозилъ не только обыкновеннымъ попомъ и владыкамъ. По поводу слуховъ о двуличности полоцкаго владыки, 6-го июня 1602 года Потѣй пишетъ канцлеру: „Владыка полоцкій дважды присягалъ на евангелии, но если онъ этого не помнитъ, то если придетъ на него власть помазанника Божія, я сумѣю, какъ клятвеннорестуника, и владыку отрѣшить. Пока не будетъ наказанія надъ которымъ-нибудь изъ нихъ, они не перестанутъ обманывать Бога и его помазанника. Вотъ теперь я поймалъ птицу и держу ее въ клѣткѣ, того пинскаго протоиоку, который сопротивлялся нѣсколько лѣтъ, какъ духовной, такъ и свѣтской власти; у меня иначе нечѣмъ ему зашатить, какъ тѣмъ, что сниму плешь, чтобы и десятый, смотря на него, закаялся такъ поступать“ (323). Въ такомъ же духѣ Потѣй не разъ писалъ канцлеру, такъ 26-го ноября 1602 года г.: „Я слышалъ и о томъ, что былъ у васъ пинскій Никольскій пошт, хлопоча получить пинское владычество, и что онъ чуть не попалъ въ тюрьму. Очень сожалею, что съ нимъ этого не случилось, вы бы не согрѣшили противъ совѣсти, такъ какъ посадили бы въ тюрьму не священника, а бунтовщика и мужеубійцу. Во-первыхъ, это онъ отравилъ пинскаго владыку (второго передъ покойнымъ), который при жизни жаловался на него и, умирая говорилъ, что умираетъ отъ его руки. Повторныхъ, онъ главный виновникъ всѣхъ бунтовъ и непослушанія, и все это онъ дѣлаетъ, опираясь на свои доходы, которые почти равняются доходамъ владыки. Такихъ поповъ тамъ не мало. Очень жаль что вы его не посадили въ тюрьму и не заковали въ кандалы: право, онъ заслужилъ этого. Но не уйти ему отъ этого и станетъ ему за тюрьму, когда отнимутъ у него церковь и имѣнія, ей принадлежащія. Съ нимъ бы слѣдовало поступить, какъ съ тѣмъ пинскимъ протоиоку, а пока этого не будетъ, не ожидайте ничего хорошаго въ нашей церкви. Довольно имъ прошали, надо поступать строже. Если мы ничего не можемъ сдѣлать въ панскихъ и шляхетскихъ владѣніяхъ, то пусть же хотя въ католическихъ и королевскихъ владѣніяхъ у насъ будетъ власть наказывать злыхъ и проводить святое единеніе“ (352). Власть свѣтская не торопилась съ помощью, Потѣй взываетъ: „Ради Бога скажитесь надо мною; или освободите меня отъ митрополи, или меня сразу сильно защитите, чтобы я въ мирѣ могъ заботиться о церкви Божьей. Все было бы хорошо, если бы не злые люди, которые, гонясь по всему государству, подстрекаютъ людей противъ насъ, клеветуютъ на насъ; мы дожили до времени, какія были при святомъ Аванасіѣ во времена арианъ. Теперь это тѣмъ хуже, что тогда это было при арианскихъ государяхъ, а теперь здѣсь въ царствованіе католическаго короля“ (18-го декабря 1604 г.) (443). Въ другомъ письмѣ (9-го декабря 1604 г.) Потѣй выражается болѣе рѣзко: „Мы ожидали подъ католическою защитою улучшенія нашего положенія, а тутъ съ каждымъ днемъ все хуже. Увы, когда мы были въ той проклятой схизмѣ все таки у насъ была какая-нибудь власть надъ своими, которые боялись отлученія и должны были не разъ дѣлать, что имъ

приказано. Теперь подъ охраною правительства мы пришли въ такое презрѣніе, въ какомъ не находились и евреи (439). „Моя власть, говоритъ Потѣй, имѣть у нихъ такое значеніе, какъ сапогъ безъ подошвы. Я ничего въ силу сдѣлать не могу, да и не подобаетъ мнѣ, въ помощи ни откуда не получаю, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше меня презирають. И не удивляйтесь этому, когда имъ не только потворствуютъ, но даже ихъ защищаютъ, и то нѣкоторые изъ католиковъ. Когда я что-нибудь скажу, то они на это: — это не наше митрополитъ, а королевскій и панскій. Если бы даже я имъ читалъ евангельскіе тексты, то и это бы имъ казалось новшествомъ и панскою ересью. Когда услышать проповѣдь послѣ евангелія, то плюютъ и уходятъ изъ церкви“ (442).

Въ письмахъ своихъ Потѣй не разъ касается исторіи уни. Онъ говоритъ Сабѣгѣ о своихъ разысканіяхъ и находкахъ въ церковныхъ бібліотекахъ. 4-го іюля 1601 г. пишетъ Потѣй изъ Вильны: „Сейчасъ я нашелъ въ монастырѣ Св. Троицы книгу, которую называютъ сборникомъ, болѣе ста лѣтъ тому назадъ писанную, очень старую, въ которой между прочимъ нашелъ записанною грамоту папы Евгенія на славянскомъ языкѣ, которая во всемъ согласна съ латинскимъ текстомъ. Но вотъ, что весьма важно, принесли ко мнѣ изъ Лаврыша грамоты, писанныя на пергаментѣ съ привѣшенными свинцовыми печатами, обѣ патриаршія. Одной изъ нихъ 104 года; писана отъ нѣкоего Нифонта, константинопольскаго патриарха, кievскому митрополиту Іосифу, должно быть Солтану¹⁾. Изъ нея видно, что митрополитъ писалъ раньше, прося его содѣйствія въ Литвѣ и указывая на то, что римляне ему надобѣдаютъ флорентійскимъ соглашеніемъ и лишаютъ его дарованныхъ вольностей за то, что не хотѣлъ придерживаться этого соединенія. Патриархъ въ отвѣтъ на это удивительно восхваляетъ это флорентійское соединеніе, говоритъ, что оно справедливо учинено, и что только домашніе не приняли, за что понесли кару Божію, подпали подъ языческое иго; призываетъ, что на флорентійскомъ соборѣ сохранены въ цѣлости всѣ греческіе обряды, и указываетъ на многое другое, чего теперешніе схизматики не признають. Изволите теперь видѣть, продолжаетъ Потѣй, что это святое единеніе не отъ насъ началось, и оно въ этихъ государствахъ давно было, и только утаено худыми людьми и неблагоприятными обстоятельствами“. По вопросу о собираніи документовъ Потѣй писалъ 27-го августа 1602 г.: „Въ Холмѣ у одного пана нашелъ я грамоту митрополита кievскаго Исидора, писанную на пергаментѣ, которую онъ подписалъ, какъ митрополитъ кievскій и всея Руси и *legatus a latere ecclesiae apostolicae latinae*. Посылаю вамъ копію; изъ нея увидите, что это соединеніе не нами начато, а нашими предшественниками. Эта грамота для меня весьма важна для указанія на повиновеніе римскому первосвященнику, такъ какъ я, будучи наследникомъ, дѣлаю то, что дѣлалъ мой предшественникъ. Этой грамотѣ 162 года, писана въ Холмѣ въ годъ послѣ флорентійскаго собора, у нея привѣшена печать съ изображеніемъ Богородицы съ младенцемъ, а вокругъ надписи: „Милостью Божію Исидоръ митрополитъ кievскій и всея Руси“. Подпись по-гречески: кардиналъ Исидоръ. Эту грамоту храню

¹⁾ Іосифъ С. былъ кievскимъ митрополитомъ уже въ 1499 г. (Bonieski, *Poczet rodów* II). Его предшественникъ Макарій убитъ татарами въ 1497 г. Объ этой грамотѣ говоритъ авторъ *Supplementum Synopsis* (Архивъ Ю.-Зап. Россіи. V11, 619).

какъ золото“²⁾. Флорентійскій соборъ интересовалъ Потѣя и 5-го апрѣля 1603 г. пишетъ онъ Сабѣгѣ: „Посылаю вамъ книжку флорентійскаго собора, которая только что отпечатана. Написана она противъ ложнаго синаода, который издали схизматики по-польски и по-русски³⁾. Велѣлъ ее посвятить кievскому воеводѣ, но отъ чужаго имени, такъ какъ отъ меня онъ бы не принялъ“.

Г. Прохаска думаетъ, что Потѣй говоритъ здѣсь о своемъ изданіи „Привилегіи Руси“³⁾. Но это не вѣрно. „Привилегіи“ отпечатаны въ 1605 году и съ именемъ Потѣя. Здѣсь идетъ рѣчь о книгѣ, изданной подъ чужимъ именемъ, и Потѣй несомнѣнно говоритъ о книжкѣ, напечатанной въ 1603 году въ Вильнѣ отъ имени Петра Федоровича, ректора русской коллегіи, подъ заглавіемъ *Obroga S. Synodu Florenckiego powszechnego przez Piotra Fiodorowicza. W Wilnie roku pańskiego 1603*. Эта книга посвящена князю К. Острожскому, и въ посвященіи указано на изданіе противъ флорентійскаго собора: „Года два тому назадъ, говорится въ посвященіи, какое то неизвестное лицо, которое, впрочемъ, гордится вашимъ покровительствомъ, напечатало книгу очень ложную о флорентійскомъ соборѣ и прислало въ даръ митрополиту“. Въ предисловіи встрѣчаемъ почти повтореніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ писемъ Потѣя: „Есть у насъ въ церковныхъ книгахъ, которые называются соборайками, запись этого синаода и его обнародованіе“ (стр. 4). Книга эта издана архимандритомъ виленьскаго Св.-Троицкаго монастыря, Руссовскимъ; на оборотѣ заглавнаго листа значится, что это сочиненіе покойнаго Федоровича попало въ руки издателя послѣ его назначенія на должность архимандрита. Теперь только изъ писемъ Потѣя узнаемъ, кто укрылся подъ именемъ покойнаго Федоровича. Потѣй въ этомъ же письмѣ еще прибавляетъ, что нашлось бы еще что печатать, да денегъ нѣтъ (68). На недостатокъ денегъ Потѣй постоянно жалуется канцлеру и хлопочетъ заполучить поэтому печерскую архимандрію и принадлежащія ей доходы. Въ письмахъ Потѣя пространно обсуждается вопросъ о замѣщеніи печерской архимандріи, обѣ имуществвахъ церковныхъ, для защиты которыхъ требуетъ у канцлера выдачи изъ Литовской метрики надлежащихъ документовъ.

Весьма важное указаніе находимъ въ одномъ письмѣ Потѣя о смерти Никифора ексарха патриарха константинопольскаго, послѣдовавшей въ Маріенбургѣ (458). Этимъ письмомъ окончательно рѣшается не разрѣшенный еще вопросъ, гдѣ умеръ Никифоръ, въ Маріенбургѣ или въ Византіи. М. О. Кояловичъ (Исторія уни, II, 272) склоняется къ мнѣнію, что Никифора не выпустили изъ Литовско-польскаго государства. Во всѣхъ письмахъ Потѣя разбросано чрезвычайно много весьма любопытныхъ подробностей, относящихся къ дѣлу распространенія уни. По нимъ уже словами самого руководителя уни ясно охарактеризовывается незavidное положеніе главнѣйшихъ виновниковъ церковной уни. (Журн. М. Н. Пр., янв. 1893 г.).

¹⁾ Потѣй говоритъ объ этой грамотѣ въ изданной имъ въ 1605 г. грамотѣ папы Сикета IV (Архивъ Ю.-З. Россіи VII, 194).

²⁾ Вѣроятно, Потѣй имѣлъ въ виду упоминаемое М. О. Кояловичемъ (Исторія уни I, 181) сочиненіе клирика Острожскаго о флорентійскомъ соборѣ (1598 г.). Книга эта изъ другихъ источниковъ мнѣ неизвестна.

³⁾ O przywilejach nadanych Rusi od najasniejszych królów polskich przez Nypatiego Metropolite, kirowskiego, s. 1. et a.

— **Практическія занятія воспитаницъ Виленскаго женскаго училища дух. вѣд. въ образцовой школѣ.** Воспитаницы старшаго III курса, согласно распоряженію Его Высочайшаго Преосвященства, по примѣру прошлаго выпуска, посѣщали, въ теченіе сентябрьской трети 1892, въ отсутствіе практикующихся учениковъ Литовской семинаріи, образцовую церковно-приходскую школу при Литовской духовной семинаріи. Установленный преподавателемъ педагогики г. Киприановичемъ, по соглашенію съ о. Ректоромъ семинаріи, а также съ госпожею Начальницею училища, порядокъ занятій былъ слѣдующій. При организаціи практическихъ занятій обращено было вниманіе, чтобы воспитаницы пріобрѣли возможно прочныя навѣки въ учебномъ и отчасти воспитательномъ дѣлѣ, прісмотрѣлись къ порядкамъ начальной школы, къ обращенію съ учебными пособиями и съ учениками.

Съ начала 1892³/₄ уч. года воспитаницы, группами отъ 12 до 24 и болѣе человекъ, присутствовали при школьныхъ занятіяхъ учителя образцовой школы съ вновь поступившими учениками младшаго класса, по всемъ предметамъ этого класса. Между прочимъ онѣ внимательно слѣдили за обученіемъ азбукъ нѣкоторыхъ вовсе неграмотныхъ дѣтей по звуковому аналитико-синтетическому способу. На урокахъ педагогики преподаватель этого предмета требовалъ сначала устнаго разбора выслушанныхъ воспитаницами уроковъ въ церковно-приходской школѣ при семинаріи, а потомъ онѣ предложилъ имъ вести записи слышанныхъ имъ въ этой школѣ уроковъ. Записи эти прочитывались въ классѣ и сопровождались разборомъ преподавателя педагогики, при участіи самихъ воспитаницъ.

Къ преподаванію въ младшемъ классѣ школы воспитаницы приступили только съ 16 ноября 1892 г., — послѣ изученія ими методики преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ и послѣ хожденія въ школу въ теченіе 2¹/₂ мѣсяцевъ. По заявленію преподавателя педагогики, были куплены все учебники, принятые въ руководство въ образцовой школѣ. По установленному порядку, за нѣсколько дней до преподаванія урока, практикующаяся воспитаница, освѣдоившись у учителя этой школы, что слѣдуетъ преподавать по порядку занятій въ школѣ, должна была при помощи даннаго ей учебника и пособій, приготовить подробный конспектъ предполагаемаго урока въ школѣ. Конспектъ этотъ всякій разъ просматривался преподавателемъ педагогики, исправлялся и передавался воспитаницѣ для основательнаго изученія его. Подготовившись, воспитаница давала урокъ въ образцовой школѣ, всегда въ присутствіи Начальницы училища и преподавателя педагогики, а также — назначенныхъ начальницей воспитаницъ старшаго класса, отъ 10 до 20 и болѣе. Во время уроковъ, въ случаѣ необходимости, самъ преподаватель педагогики приходилъ на помощь преподающей воспитаницѣ, путемъ предложенія ученикамъ наводящихъ вопросовъ.

На урокахъ педагогики дѣлался всесторонній разборъ данныхъ воспитаницами уроковъ, при чемъ приглашались сами воспитаницы высказать свое мнѣніе относительно пріемовъ веденія того или другого урока ихъ подружкой въ образцовой школѣ.

Всего было дано 13 практическихъ уроковъ 13 способными воспитаницами старшаго класса, въ періодъ времени съ 16 ноября по 4 декабря 1892 года.

Практическіе уроки были даны по всемъ предметамъ одноклассной церковно-приходской школы, а именно: по Закону Божию, церковному пѣнію, церковно-славянской грамотѣ, по русскому языку, чистописанію и по обученію счисленію.

Все воспитаницы съ большою охотою посѣщали образцовую школу; иногда онѣ сами просили разрѣшенія у Начальницы училища отпустить ихъ въ школу или же дозволить имъ остаться еще 1 часъ въ школѣ, для того чтобы выслушать и предстоящій урокъ въ младшемъ или старшемъ классѣ образцовой школы.

Остается пожелать, чтобы молодые питомцы и по выходѣ изъ училища съ такимъ же увлеченіемъ и любовью относились къ великому учебно-воспитательному дѣлу.

— **Вмѣшательство сельскихъ сходовъ въ церковно-приходскія дѣла.** Въ виду частныхъ приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ о перемѣненіи и удаленіи священниковъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, разъяснилъ, что „за исключеніемъ назначенія сборовъ на устройство и поддержаніе церкви и случаевъ отвода земли или пожертвованія мірскихъ капиталовъ въ пользу церкви, церковно-приходскія дѣла, какъ не относящіяся, по силѣ существующихъ узаконеній, къ кругу вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, не могутъ быть предметомъ сужденія послѣднихъ; кромѣ того, означеннымъ сходамъ не представляется и повода къ вмѣшательству въ дѣла этого рода, такъ какъ прихожане каждой сельской церкви составляютъ сами отдѣльное приходское общество, которое въ предѣлахъ предоставленной ему компетенціи, можетъ обсуждать все дѣла, сопряженныя съ интересами церкви и самихъ прихожанъ, и отъ себя представлять всякую свою нужду или жалобу подлежащему епархіальному начальству. По симъ основаніямъ, все приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ по означеннымъ дѣламъ должны быть признаваемы ничтожными, а должностныя лица, допускающія составленіе такихъ приговоровъ, подлежатъ привлеченію къ законной отвѣтственности“.

(Р. Ж.).

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей Петръ Левинскій.

Вильна. Губернская Типографія.

Ивановская у. № д 11.